УДК 316.37

И.С. СТОКАЛИЧ (аспирант)
Центр гуманитарного образования НАН Украины
(Киев)
stokalich@rambler.ru

Н.А. БЕРДЯЕВ О ПРИРОДЕ «РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Рассматривается тема трактовки исторических процессов Н.А. Бердяевым на основе его понимания русской революции. Особенностью рассуждений философа является его глубокий экзистенциональный опыт личного переживания описываемых событий. Вопросы социального освобождения связываются им с духовным переворотом личности. Лишь в этом случае человек способен преодолеть должным образом «власть прошлого».

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, свобода, духовность, социальные изменения, индивидуализм.

В уникальной по жанру и стилю философских размышлений работе «Самопознание (опыт философской автобиографии)» Н.А. Бердяев написал: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной…» [1, с. 260]. В этих откровенных строчках философа революция как социально-философская тема, экзистенциальное переживание Бердяева-человека и Бердяева-мыслителя соединяются, как можно понять, в некую единую жизненную задачу, которую нужно разрешить, переосмыслив причины, обстоятельства, события, даже настроения сограждан, образно говоря, российского «времени перемен». Ставя вопрос о «русской революции» в такой плоскости, понятно, что философа интересовали разные аспекты данного социально-исторического феномена: ответственность и ответственные за революцию, духовные, нравственные и общественные последствия революционных процессов, говоря бердяевским языком – «злые проявления» революции, «трансформации людей», определяющие конкретные человеческие судьбы (причём, не только свои судьбы) в послереволюционный период. Последнее особенно беспокоило философа, неоднократно подчёркивавшего, что «Трансформация людей – одно из самых мучительных впечатлений моей жизни. Я наблюдаю это сейчас во Франции, после поражения. Многое отталкивало меня уже в февральской «свободолюбивой» революции» [там же, с. 262].

Нетрудно понять, почему именно такого рода революционные преобразования доставляли мыслителю особенно негативные переживания. В пятилетний послереволюционный период жизни Н.А. Бердяева в советской стране ему пришлось наблюдать рождение, по словам философа, «нового антропологического типа» вследствие происшедших в России революций. Особенностью этого «типа» было то, что он воплотил в себе не личностное самосознание, к чему подводило духовно-культурное развитие человечества, а массовое, коллективное «начало», являющееся порождением современной цивилизации и исторических событий начала XX в. Кроме того, становление этого нового человеческого типа произошло и потому, что свобода как революционный идеал не демократична, а аристократична, согласно мысли Бердяева. Подмена же культуры личности, ориентированной на жизнетворчество, в утвердившейся революционным путём идеологии установкой на массу не могла не привести к тому, что «… появились совершенно новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределённости очертаний прежних русских лиц, это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные. Ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию» [там же, с. 266]. Этот новый антропологический тип Н.А. Бердяев называет «милитаризирован-

ным», вышедшим из войны, считает, что он был подготовлен первой мировой трагедией современной истории. Отсюда философ проводит параллели, указывает, что такого же рода метаморфозы произошли с человеком и в Германии в 30-е годы и во Франции – в 40-е. В этом «новом и мучительном» для себя опыте, как говорит философ, его, прежде всего, беспокоит то, что обратной стороной этих антропологических изменений есть неизбежная измена человека самому себе, его личностное предательство. Отсюда горькое замечание Н.А. Бердяева: «Вокруг я видел много людей, изменивших себе. Повторяю, что перевоплощение людей – одно из самых тяжелых впечатлений моей жизни» [там же, с. 265]. Причём мыслитель подчёркивал, что видел такого рода перевоплощения как в революционерах, подготовивших русскую революцию и занявших солидное положение в новой власти, так и в бывших товарищах, не имевших ранее «революционного» призвания к общественным преобразованиям.

Каким же образом формировалась в истории культуры установка на революционный вариант социального реформирования? Впервые произошедши как факт социальных изменений сначала в Англии в XVII в., а через столетие – во Франции, в последующей истории человечества революции имели место на всех континентах. Явление, начинавшееся из салонных разговоров о гуманизме, естественных правах человека, исходящее из благородных идеалов, лежащих в основе революционных трансформаций общества и связанных с философскими учениями о прогрессе, равенстве, братстве, справедливости и т. п. ценностях, в практическом своём воплощении, как правило, имело вид вооруженной борьбы, противостояния и террора. В XX в. идея революции коснулась России, великой христианской империи, простиравшейся на необъятных территориях Европы и Азии, захватила умы определённой части русской интеллигенции. Сейчас, спустя почти столетие, пожалуй, можно утверждать, что опыт русских революций, вероятно, был одним из самых трагических опытов познания революции, так как был связан с практикой массового уничтожения инакомыслия в минувшем столетии. Ныне, особенно в постсоветских странах, также можно наблюдать стремительные социальные трансформации, часто связанные с революционной риторикой и надеждами. Вот почему размышления Н.А. Бердяева о революции как факторе социальных изменений может, на наш взгляд, служить основанием и для понимания современных общественных процессов.

Как подчёркивал философ, революция в России произошла не в согласии с учением К. Маркса, а вопреки его тезисам, утверждавшим, что социальные изменения следуют за развитием капитализма в виде индустриально-промышленного развития общества. Н.А. Бердяев критикует социальную доктрину «русского марксизма», подчёркивая, что для неё характерно увлечение классовым подходом, «мессианским» сознанием пролетариата, ориентация на революционную психологию как своеобразную меру общественных преобразований и др. Он считает, что революция в России стала возможной благодаря народовольческой вере русской интеллигенции – той её части, которую мыслитель в своей «веховской» статье называет «интеллигентщиной». Именно это крыло революционной интеллигенции Н.А. Бердяев резко критикует за «малокультурное», по его словам, отношение к философии, склонность оценивать учения по исключительно политическим и утилитарным критериям, за философскую и научную неграмотность, нежелание вникать в саму суть учений, на которых базировались взгляды этой же части общества [2, с. 173].

Миру «интеллигентщины», как показывает философ, по сути, чужд один из самых главных идеалов, заложенных согласно идейно-ценностным установкам в революционных движениях – нацеленность на свободу, которая здесь не выявляет свою подлинную сущность. Несмотря на свою очевидность и якобы простоту, свобода остаётся неизведанным в своей глубине и сущности явлением, непроявленным в революционных процессах. Это связано, с одной стороны, с тем, что революции на арену истории выводят массы, игнорируя отдельных людей, а с другой – с тем, что в понимании Н.А. Бердяева свобода – категория индивидуальная, исток которой – в сфере метафизической, в отрицании объективированного мира, в плену у которого находится дух. Свободу мыслитель связывает с теургией, путём

спасения человека через акты творческого созидания как продолжения божественного замысла, приобщения к нему. В этом процессе свободы как жизнетворчества, ориентированного на Бога как высочайшую ценность, не позволяющую производить смешение добра и зла, справедливости и несправедливости, истины и лжи, видит Н.А. Бердяев и выход из экзистенционального одиночества человека, его ощущения Богооставленности. Из такого понимания свободы вытекает, по сути, и бердяевская оценка классической философии, уводящей, по мнению философа, человека от реальности. Так, наследие Канта, неокантианство, критический идеализм, позитивизм критикуются мыслителем за пренебрежение к реальному миру, в котором уже не остаётся места свободе, творческому бытию человека как личности. Отсюда и характеризуются мыслителем названные идейные течения «философией прохожих», «философией сказуемого без подлежащего» [3, с. 155].

Глубину смысла свободы Н.А. Бердяев видит в *без*основности данной категории: свобода стоит над бытием, которому неподвластны Вселенная и человек. Иначе говоря, в своей философской позиции Н.А. Бердяев исходит из примата «свободы над бытием», а не «бытия над свободой». Безосновность свободы философ определяет в традиции германских мистиков, в частности, Якова Бёме, используя его понятие «Ungrund», обозначающего то, что не имеет в себе какой-либо основы. Как сказал об этом сам Н.А. Бердяев: «Все учение Бёме об Ungrund так переплетается с учением о свободе, что их невозможно разделить, это одно и то же учение. И я склонен истолковать Ungrund, как изначальную, недетерминированную даже Богом меоническую свободу» [9, с. 57]. Т. е., если рассматривать свободу в её абсолютной природе – как предначало Бытия, как единственно существующую, стоящую над бытием, реальность, тогда можно допустить, что стремление к свободе социальной также может быть расценено в качестве некоей теургии, опосредованно подтверждающей правомерность революции. Однако, как подчёркивает Н.А. Бердяев, «… она (революция – И.С.) свидетельствует о недостатке положительных творческих сил, о неисполненном долге» [1, с. 260], хотя мыслитель и считал революцию в России «неизбежной и справедливой». Ответственными за революцию философ считал «реакционные силы старого режима», но не только их. Позднее, уже в эмиграции, Н.А. Бердяев писал: «Я потом начал сознавать, что ответственность за духоборческий, враждебный духовной культуре характер русской революции лежит и на деятелях русского ренессанса начала XX века. Русский ренессанс был асоциален, был слишком аристократически замкнутым» [там же, с. 267].

Философ понимал, что революция не только не откроет человеку путь к свободе, а, напротив – «…в революции будет истреблена свобода и <…> победят в ней экстремистские и враждебные культуре и «духу» элементы. <…> Наивным и смешным казалось мне предположение гуманистов революции о революционной идиллии, о бескровной революции, в которой, наконец, обнаружится доброта человеческой природы и народных масс» [там же, с. 260]. На наш взгляд, чтобы приблизиться к решению философом вопроса о революции, следует обратить внимание на его идею о том, что в бытие невозможно войти, из него можно только исходить. В этом отношении Н.А. Бердяев подчёркивал принципиальную разницу в состояниях стремления к бытию, пребывания в бытии, причастности к тайне свободы. Причём, причина этих различений заключена, прежде всего, в духовном отличии между христианским Востоком и христианским Западом. По мнению философа, Бог для западного человека – это объект; здесь человек тянется к Богу, исходя из своей природы, стремится подражать страстям Христа, но это свидетельствует о том, что Христос, хотя и предмет человеческого устремления, но не принятый человеком внутрь. Запад никогда, как подчёркивает Н.А. Бердяев, не исходил из внутреннего мистического опыта знания Христа [4, с. 229]. Этому мыслитель противопоставляет иной религиозный путь – восточно-христианский, где присутствует опытное познание божества. В православии Бог – это субъект внутри человека, отсюда человек не вытягивается к Богу, но сам Бог, само Бытие, Тайна, Ungrund, Дух, спускается к человеку. Таким образом, для Востока характерна идея обожения человеческой природы, в которой философ видит не предлог для активной внешней деятельности, но концентрацию на преображении внутреннего человека, его природы и уже

на этой основе посредством творчества – нацеленность и на преобразование мира. Думается, что именно из такого толкования христианской традиции вырастает и особая политическая позиция Н.А. Бердяева, который, подводя итог своей жизни, писал в «Самопознании»: «Духовно, религиозно и философски я – убеждённый и страстный антиколлективист. Это совсем не значит, что я антисоциалист. Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный, не допускающий примата общества над личностью, исходящий из духовной ценности каждого человека, потому что он свободный дух, личность, образ Божий. Я антиколлективист, потому что не допускаю экстериоризации личной совести, перенесение её на коллектив. Совесть есть глубина личности, где человек соприкасается с Богом» [1, с. 283]. По сути, философ подчёркивал необходимость сохранения в решении всех общественных вопросов, в том числе и социально-политических, ориентации на измерение бытия сквозь призму Абсолюта, без чего теряют всяческую ценность общественные идеалы, трансформируясь в ложные, псевдо-реальные всеобщие цели.

Размышляя о причинах «русской революции» Н.А. Бердяев демонстрирует интерес к широкому спектру вопросов, связанных с данным историческим явлением: с одной стороны, он расценивает революцию как явление безусловное, историческое, как независящее от воли людей, но с другой – рассматривает и в контексте деятельности определенного круга революционно настроенной интеллигенции. Русская революция в этом втором отношении, как было уже сказано, никоим образом не соответствовала тем программам, что вкладывали в идею её реализации германские марксисты, и на что указывала логика исторического развития российского общества. В революциях, происшедших в Англии, во Франции и имеющих, безусловно, свой национальный стиль и особенности, можно было всё-таки увидеть и определённый исторический багаж, иначе говоря – социально-историческую обусловленность данных событий. Русская же революция в этом смысле не вписывалась в хоровод европейских политических изменений, так как была, по мнению Н.А. Бердяева, антинациональной, чуждой культуре явлением, превратившем Россию в бездыханный труп [5, с. 134]. Духи русской революции разбудили в народе бесов, до той поры дремавших в маргиналиях сознания. Простые люди буквально за год, как говорит философ, изменились в своём облике, приобретя доселе невиданные черты, черты одержимости. На этом фоне революция стала возможной.

Как утверждал философ: «Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ» [6, с. 88]. Если следовать логике мыслителя, революция ни в коей мере не реализовала идеал свободы в его идеальном значении – как единственно истинное бытие, а, напротив, сопровождалась порабощением человека. Бердяев уверен, что свобода без милосердия приводит к злу. Он сравнивает революцию, её действие с вирусом, который, если попал в организм, то его уже невозможно остановить какими-либо превентивными методами. Происходит это оттого, что революционные действия связаны с особым человеческим типом, который философ характеризует следующим образом: «Революционер имеет интегральное миросозерцание, в котором теория и практика органически слиты. Тоталитарность во всём – основной признак революционного отношения к жизни. Критический марксизм мог иметь те же конечные идеалы, что и марксизм революционный, считающий себя ортодоксальным, но он признавал раздельные, автономные сферы, он не утверждал тотальности» [там же, 87].

Н.А. Бердяев обращается к русской литературе, пытаясь объяснить явление революции на основе литературных героев как определённых человеческих типов. Так, анализируя гоголевские персонажи, выписанные писателем «рыла», Н.А. Бердяев утверждает, что грехи народа связаны не с институтом монархии, нравственно деформировавшем его, по мнению революционной интеллигенции, а в ущербности, рабстве и связанных с ними хамстве, неуважении к другой личности, взяточничестве и других пороках, в которых виноват человек, неспособный существовать в вечном «своём качестве человечности» [7, с. 127]. По мнению Н.А. Бердяева, политические революции мало меняют человека, так как они не

связаны с «вечным» в человеке, из чего только и может родиться «новый» тип человека. «Власть прошлого над человеком остаётся и в самых радикальных революциях. В революциях действуют старые инстинкты насилия, жестокости и властолюбия. Они обнаруживаются и в бурных реакциях против прошлого. Люди французской революции были людьми старого режима. То же надо сказать и о русской революции. В ней действовали люди, в крови которых было рабство. Террор революции есть старое, а не новое в них. Никакая революция на коротком промежутке времени не может формировать совершенно нового человека, хотя что-то новое с собой несёт. Революция есть явление старого режима, она сама по себе не есть новый мир. Самое сильное в революциях есть отрицательная реакция на предшествующий ей режим, ненависть всегда в ней сильнее любви» [там же, с. 127-128]. Это обобщённое видение Бердяевым революции как социального явления, по сути, доказывает, что революции не приносят качественного обновления человека. С победой революции в России Царство Небесное, в которое так верили революционеры, не наступило. Напротив, революция смела предыдущую культуру как барскую и интеллигентскую, как не соответствующую социальному портрету большевистской России. Изменилась социальная иерархия: те, кто ранее был на вершине социальной лестницы, теперь оказались внизу, те, кто имел безграничную власть и свободу, в результате революции подверглись насилию. С приходом революции вышли из небытия образы Хлестакова, Петра Верховенского, Смердякова.

Н.А. Бердяев утверждает, что в основе русской революции, разыгравшейся в атмосфере разложившейся войны, лежит религиозный факт, связанный с особенностями духовной жизни народа: русский народ не может создать срединного царства гуманизма, ему чуждо правовое устройство государства в его европейском понимании; он склонен к апокалиптическому восприятию истории, устремлен к её концу, к осуществлению Царства Божьего. Русский народ желает либо Царства Божьего на земле, братства во Христе, либо, как говорит Н.А. Бердяев, товарищества с антихристом [8, с. 453]. Такую причину философ объясняет исключительной особенностью русского народа, выражавшейся в его отрешенности, отсутствии в нём привязанности к земным вещам: к дому, мебели, семье, своим правам, государству. В этом отношении русский народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. И если западный человек считает свою собственность священной и не позволит её отнять, то русский человек, даже если им овладел дух корыстолюбия и стяжательства, никогда не считает свою собственность священной. В этой отрешенности философ видит причину легкого низвержения собственности в России, которая произошла не от слабости правового сознания русского народа и недостатка буржуазной честности, но от его мировоззренческих особенностей. То, что для западного человека являлось добродетелью, для русского человека считалось грехом. Эта нравственная рефлексия присутствовала во всех социальных слоях: и русский помещик никогда не был до конца уверен, что имеет право владеть своей землей и русский купец думал, что нажился нечестным путем и в дальнейшем должен был бы покаяться. Таким образом, буржуазный дух не имел в России силы, не владел русскими сердцами в той мере, чтобы мог претендовать на движущую роль в революции.

Итак, социальное освобождение, реальные изменения мира и человека Н.А. Бердяев связывает не с политической, а с духовной революцией, которая связана не с установлением доминирующего положения в обществе определённого коллектива, социального слоя, а с культивированием человека как личности. Вне феномена личности невозможно, по мысли философа, становление «нового» антропологического типа, о рождении которого говорят революционеры. Политическая революция, как считает философ, – «дитя рока», духовная – результат деятельности свободного человека, способного преодолеть власть прошлого над собой, неся в себе «вечное» начало, выработанное культурой, прежде всего религиозной. Насилие и жестокость коллективизма, рождаемые политическими революциями, должны быть преодолены в грядущей истории индивидуализмом, т. е. возможностью индивидуаль-

ного, личного сознания и оценки, в чём Н.А. Бердяев видит главный смысл социального освобождения.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. - Париж: YMCA PRESS, 1989. – 425 с.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-09) / Н.А. Бердяев. - СПб. : Типография товарищества « Общественная польза», 1910.
3. Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.) / Н.А. Бердяев. - СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907.
4. Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России / Н.А. Бердяев. - Париж: YMCA PRESS, 1989. – 714 с.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Литературная учёба. 1990. Кн. 2. – С. 123-139.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев.- Париж: YMCA PRESS, 1955. – 224 с.
7. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2006.
8. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н.А. Бердяев. - М. : Феникс-ХДС-пресс, 1991. – 81 с.
9. Бердяев Н.А. Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrund’е и свободе / Н.А. Бердяев // Путь. 1930. № 20. – С. 47-89.

І.С. Стокаліч (Центр гуманітарної освіти НАН України). ***Н.А. Бердяєв про природу "російської революції".***

Розглядається тема трактування історичних процесів Н.А. Бердяєвим на основі його розуміння російської революції. Особливістю міркувань філософа є його глибокий екзистенційний досвід особистого переживання описуваних подій. Питання соціального визволення зв'язуються їм з духовним переворотом особистості. Лише в цьому випадку людина здатна подолати належним чином «владу минулого».

Ключові слова: Н.А. Бердяєв, свобода, духовність, соціальні зміни, індивідуалізм.

I.S Stokalich (Center for Humanitarian Education National Academy of Sciences of Ukraine***). N.A Berdyaev on the nature of the "Russian Revolution".***

Focuses on the interpretation of historical processes N.A Berdyaev on the basis of his understanding of the Russian Revolution. Feature of reasoning philosopher is his deep existential experience of a personal experience of the events described. The questions of social liberation bind them with the spiritual revolution of the individual. Only in this case, a person is able to overcome adequately the "power of the past."

Key words: N.A Berdyaev, freedom, spirituality, social change, individualism.

УДК 130.2:008

И.А. ФИЛИНА (к. филос. н., доц.)
Полтавский национальный технический университет
имени Юрия Кондратюка
manrtita@mail.ru

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СЕНТЕНЦИЯХ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА